

The article is devoted to the problems of live activity of the Uilta – one of the aboriginal not numerous peoples of the Extreme North and Siberia living in Sakhalin in two rather compact groups. In the October 1999 field research the authors studied the Uilta's economy, the degree of preservation of traditional pursuits and crafts among them, their use of traditional and modern items of clothing in daily life, as well as their contemporary funeral rites, language and the like.

The article presents results of that research and throws light on some themes concerning modern socioeconomic problems and contemporary state of the traditional culture of the Uilta.

© 2000 г., ЭО, № 3

О.Ю. Артемова, М.Л. Бутовская

ДЕТИ КАЛМЫКИИ: ТРУДЫ И ИГРЫ

Эта статья отражает очередные результаты многолетней работы нашей исследовательской группы (М.Л. Бутовская – руководитель, О.Ю. Артемова, Э.Б. Гучинова, А.Г. Козинцев, И.В. Скиба) по изучению формирования полоролевой идентичности у младших школьников в различных городах и селах Российской Федерации. Более ранние наши наблюдения были опубликованы год назад в статье М.Л. Бутовской, О.Ю. Артемовой и О.И. Арсениной «Полоролевые стереотипы у детей Центральной России»¹. Теперь предлагаемая вниманию читателя публикация посвящена преимущественно калмыцким детям. Работа с ними велась по методике, которая была охарактеризована в предыдущей публикации, поэтому здесь мы уже не останавливаемся на особенностях нашей исследовательской процедуры. Во многом мы использовали те же, что и раньше, сравнительные материалы из отечественной и зарубежной литературы по этнологии и психологии детства, их мы также повторно не цитируем. Порядок изложения полевых данных и выводов, избранный в предыдущей статье, в основном сохранен и в этой. В некоторых разделах статьи и в выводах привлекаются для сравнения данные, полученные в русских школах на более ранних этапах работы.

Общие сведения об экспедициях. Мы совершили две экспедиции в Калмыкию – весной 1996 и весной 1997 гг. В первый раз мы работали в Элисте с учениками двух классов прогимназии № 1, в которой преподавание велось в основном на калмыцком языке, хотя все дети происходили из русскоязычных семей. Это было в некотором смысле элитарное и экспериментальное учебное заведение, дети зачислялись в него по предварительному отбору – они должны были уметь читать и отвечать на вопросы, определяющие общий уровень развития. И это были в основном дети образованных и неплохо обеспеченных родителей. Утром с детьми занималась молодая преподавательница, которую дети именовали «бакши» – учитель. Днем к ним приходила пожилая воспитательница, которую они звали «эйджи» – бабушка. Обе разговаривали с детьми по-калмыцки не только на уроках, но и в быту.

Во второй раз мы работали в 70 км от Элисты в пос. Ики-Чинос, жители которого в советское время входили в крупный животноводческий колхоз «Ленинский», а в период нашего пребывания уже не составляли хозяйственного единства. Родители наших детей частично занимались крестьянским трудом, частично были рабочими и служащими, а некоторые – и безработными. Многие из них испытывали значительные материальные трудности. Лишь отец одного мальчика имел коневодческое хозяйство, дела которого шли довольно успешно. Школа была рядовая сельская. Класс один и небольшой. Преподавание велось по-русски, а калмыцкий язык изучался на особых

уроках. К учительнице дети обращались по имени и отчеству – как в русских школах.

Некоторые общие впечатления. Названные различия дали нам определенный материал для сравнений и противопоставлений. Но сначала о сходном и общем. Ведь в обоих случаях перед нами были шести-семилетние мальчики и девочки из этнически однородной среды: лишь два ребенка не были калмыками – даргинская и русская девочки в сельской школе, у одного мальчика из того же класса была русская мать и, наконец, одна девочка в городской школе была наполовину казашка, наполовину калмычка. В быту и играх все дети пользуются русским языком, которым владеют с пеленок и очень хорошо. Часто, однако, считалки и некоторые правила подвижных игр дети произносили по-калмыцки. Многие дети (особенно в городской школе) носят традиционные калмыцкие имена: Церен, Батор, Бембя, Убуш, Санана, Дарима, Айса, Эльза (последнее имя случайно совпадает по звучанию с германским) и др. По-видимому, сказываются почвеннические тенденции последних лет, так как родители этих детей чаще всего имеют русские имена и отчества.

Когда мы впервые пришли к детям в Элисте, директор прогимназии – опытный педагог и чрезвычайно любезная женщина, создавшая нам великолепные условия для работы, спросила, работали ли мы прежде с детьми, в частности с русскими. Услышав положительный ответ, она сказала: «Вы сразу же почувствуете разницу. И тогда мне скажете». Мы почувствовали и сказали. «Правильно», – подтвердила она и произнесла протяжно и задумчиво: «Они – *тихие*, совсем другие, почему?».

Непривычно тихо в классе на уроках, никакого школьного «гудения»; непривычно тихо на переменах, такое впечатление, что даже играя в классические «салки-догонялки», дети переговариваются вполголоса. При этом очевидно, что преподаватели не предпринимают никаких усилий, чтобы достичь этой тишины. По-видимому, с одной стороны, тишина – это общий фон, если так можно выразиться, той среды, в которой дети растут: в калмыцких семьях говорят между собой значительно тише, чем, скажем, в русских, украинских или грузинских, калмыцкая толпа – на центральной площади в праздничный вечер, например, – несравненно тише любой европейской праздничной толпы; сразу после возвращения из Калмыкии московские театральные фойе неприятно поражают и раздражают своей шумностью (в Элисте ходить на различные популярные у публики спектакли нам доводилось чуть ли не раз в три дня), и если в кино рвется пленка или если какое-то массовое зрелище не начинается в течение получаса или даже сорока минут, никто не свистит, не топает ногами, не предлагает пустить киномеханика «на мыло» и даже не именует его сапожником. Все просто терпеливо ждут, грызут семечки (это чрезвычайно популярно у молодежи, почти каждый не расстается с газетным кулком, и жареными семечками торгуют на каждом углу), негромко переговариваются, могут выйти покурить и вернуться. Там даже пьяные на улицах не пристают к прохожим женщинам*.

Может быть, отчасти сказывается трагическая судьба «наказанного народа», но корни уходят, несомненно, в традиционную культуру, в частности в так называемую пермитативную** систему воспитания, которая во всех традиционных культурах действует очень эффективно*** и отголоски которой явно ощущаются как в поведении калмыцких родителей, так и в поведении калмыцких учителей. Это – с другой стороны.

Мы не припомним, чтобы на кого-то из детей кричали, чтобы кого-то из них резко одергивали, громко публично стыдили, ставили в угол, лишали прогулки или развлечения, не говоря уж о подзатыльниках и т.п. С ними обращались мягко, спокойно, неизменно доброжелательно; их наставляли и порицали потихоньку и поодиночке, отозвав в сторону.

* Элиста четко делится на «калмыцкую» и «русскую» части, мы жили и работали в первой.

** От англ. «permit» – разрешать.

*** Неслучайно, знаменитый доктор Спок так много взял на вооружение из этих систем и неслучайно его методика получила такую популярность – и в Америке, и за ее пределами – у интеллигенции, открывшей для себя заново «простые, добрые и разумные вещи».

По контрасту на память приходит монолог учительницы первого класса одной из московских школ, весьма громкий и построенный исключительно в повелительном наклонении, прямо как в армии (записано на магнитофон в 1995 г.): «Тетрадки закрыть. Прописи открыть. Страницу дописать до конца. Прописи закрыть. Тетрадки сдать. Приготовиться к уроку рисования. Сегодня вы будете сами составлять узор...» и т.д. Ребенок спрашивает: «Можно начинать уже?» – «Можно, только тем, кто долго совещается друг с другом, времени не хватит... Вот вчера были наказаны Саша П. и Митя К. за то, что вовремя не готовятся к уроку. Не выкладывают вещи на парту. Один за это сидел в спальне, другой в коридоре. Я им сказала: посидите подумайте. Они посидели, подумали...». Но Саша П. «опять копаётся, другие дети ждут его. Вот вчера сидел в спальне, ничему не научился. И Митя К. тоже...» (а Митя сегодня, между прочим, все достал вовремя, а про вчерашнее наверняка забыл).

На какие, интересно, глубокие раздумья навело Сашу П. и Митю К. публичное наказание изоляцией вследствие невытащенной вовремя из портфеля тетрадки? А сколько двоек за забытые книги или счетные палочки им еще предстоит принести домой? А сколько мы сами страдали в детстве, когда нас публично стыдили за синие (вместо обязательных черных) сатиновые трусы на физкультуре? А уж что следовало за потерей октябрятской звездочки – и вспоминать не хочется! Или стоишь у доски перед всем классом и слышишь: «Такая-то (по фамилии), тебе зачем голова дана? Чтобы банты носить?».

Никаких подобных коллизий в исследованных нами калмыцких классах не возникало, и никто из детей не спрашивал, можно ли уже начать рисовать или идти на перемену. Рисовали, раз урок рисования, да и все. Шли играть, раз кончился урок. А карандаши или краски некоторые тоже забывали дома, над ними слегка посмеивались и давали другие карандаши или подсаживали к тем, у кого все нужное было. И неважно, что всем тогда становилось не слишком удобно. Один мальчик, которого мы спросили, наказывают ли его когда-нибудь родители, ответил: «Да, если я не могу решить задачу, они говорят: "Думать надо"».

Конечно, эти дети, как и всякие другие, тоже шалили, но многие их безобидные шалости не пресекались, хотя за ними очень внимательно следили. Мальчики часто возились и боролись; если они при этом не проявляли агрессивности, злости (а так оно большей частью и было), им не мешали: меряться силой – традиционное мужское занятие, пусть учатся! Но некоторые вещи определенно были под запретом. В числе последних, и это особенно бросалось в глаза, – всякая свобода в обращении с противоположным полом. Стыдливость, очевидно, прежде всего произвольно впитывалась из среды, в которой она, особенно для девочек и женщин, почиталась за большое достоинство². Но при необходимости делали и строгие внушения. Отец одного мальчика из элистинской прогимназии, говорил нам: «С девочками он лет через пятнадцать дружить будет, а сейчас нечего. И вообще ко многому обязывает, осторожно надо». Это был молодой мужчина.

Кстати, мы почти не видели, чтобы молодые люди и девушки ходили по улицам в обнимку или хотя бы держались за руки. Да и вообще, даже в большой компании, девушки стремились быть ближе к девушкам, юноши – к юношам: подчеркнута соблюдала дистанцию. Дети много времени играли в смешанных группах, не слишком задумываясь, как расположиться в пространстве, но при опросах утверждали, что дружат только с представителями или представительницами своего пола, потому что так правильно! И уж совсем немыслимо было услышать от калмыцкого ребенка нечто подобное выкрику все того же Саши П.: «А Маша в спальне сексом занимается!».

Между прочим, в калмыцкой прогимназии была группа продленного дня, но в отличие от русских школ детей там днем не укладывали спать в совместной спальне.

Учебные занятия. Помимо общеобразовательных предметов у калмыцких детей в обеих школах чуть ли не каждый день с легкой руки президента Илюмжинова проводились уроки игры в шахматы. В городской школе с ними занимался особый учи-

тель. Как и ко всем другим урокам, к шахматам дети относились серьезно и с большим интересом.

Учителя не выделяли среди детей нерадивых или нестарательных, лишь в двух-трех случаях потихоньку указывали нам на неспособных или не получающих достаточного внимания дома: «У С. вовсе памяти нет!» или: «Мама с А. совсем не занимается дома».

В обеих школах детей всерьез обучали народной музыке, пению и танцам. Они учились с энтузиазмом, и их не надо было долго просить продемонстрировать свои успехи: «выступали» с готовностью и без стеснительности. Многие мальчики играли на народных инструментах и все мальчики с трогательными до слез серьезностью и старанием исполняли классические движения калмыцкого мужского танца – на ребрах внешней стороны ступней и на корточках (говорят, это очень трудно). Девочки больше отличались в пении.

Игры. Как и у русских детей, игры калмыцких мальчиков чаще, чем игры девочек, предполагали значительные перемещения в пространстве и строились по командному принципу («войнушки», футбол). Мальчики предпочитали играть большими по размеру группами, тогда как девочки – преимущественно до двое, по трое.

Во многих культурах среди детей младшего школьного возраста широко распространены игры, в которых мальчики преследуют и ловят девочек. Нашими наблюдениями такие игры зафиксированы во всех классах. Девочкам явно нравилось убежать, тогда как мальчики с энтузиазмом организовывали погоню. В разговорах мальчики отмечали, что игра становится тем привлекательнее, чем сложнее девочек поймать и чем больше те стараются, чтобы их не догнали.

Для мальчиков во всех исследованных группах весьма типичны игры со столкновением двух враждующих или противоборствующих сторон. Хотя названия противостоящих группировок могут меняться, формы игровой борьбы остаются однотипными и исход ее бывает традиционным: добро побеждает зло. Как и у русских, и у европейских детей, у калмыцких мальчиков исход таких игр всегда морально предопределен.

Существует общая тенденция, отмеченная также и в калмыцких классах: для девочек типичны формы игры, отражающие диадный характер их дружеских отношений, более интимных и тесных, чем у мальчиков. Для мальчиков же характерны более разреженная и более соревновательная командная структура игр и меньшая интимность дружеских отношений. Тем не менее наряду с этой общей тенденцией у многих калмыцких мальчиков также проявлялись диадные предпочтения; отношения в таких парах были пропитаны глубоким сопереживанием и преданностью. И пары эти были устойчивы во времени. Групповые же приятельские отношения, формировавшиеся вокруг общих интересов, носили временный характер. Не исключено, однако, что последние чрезвычайно важны для отработки традиционных стереотипов мужского поведения, так как позволяют мальчикам ощутить единство с целыми группами сверстников (мы – футболисты, каратисты, они – все другие дети) и тем самым подготавливают мальчиков к мирному и продуктивному сосуществованию во временных рабочих коллективах.

Примечательно, что если русские мальчики, с которыми мы работали, почти не играли в игрушки-оружие (многие молодые родители стремятся дать пацифистское воспитание своим детям и не покупают таких игрушек), не рисовали военной техники и вооруженных людей, то у калмыцких мальчиков традиционный интерес к «военным» игрушкам все еще удерживается. Очень популярно также рисовать танки, пистолеты, военные самолеты и вертолеты, воюющих людей – сражения.

Девочки в обеих школах предпочитают традиционные игры в куклы, «дочки-матери», дом, семью, врача. Но даже в калмыцкой сельской школе Барби начинает теснить традиционных пупсиков и кукол-бэби.

В городской калмыцкой школе, играя в игры, где кому-то нужно «водить» или где как-то необходимо распределять роли, дети используют калмыцкие традиционные

считалки, которым их специально обучили учителя. В обеих школах успехом у детей, особенно у мальчиков, пользуются национальные калмыцкие головоломки. Некоторые показались нам весьма трудными. Были, однако, мальчики, которые справлялись даже с самыми трудными в два счета.

Целенаправленные беседы с детьми. Как и у всех русских детей, у каждого калмыцкого ребенка мы брали интервью, составленное из ряда стандартных вопросов, которые должны были непосредственно выявлять полоролевые ориентации опрашиваемых (подробнее см. Приложение). Кем лучше быть — мальчиком или девочкой — и почему? Какими должны быть девочка и мальчик? Какими должны быть женщина и мужчина? Чем тебе больше всего нравится заниматься? В какие игры ты любишь играть в школе и дома?

Кроме того, серия вопросов была предназначена для косвенного выявления полоролевых ориентаций детей и половой специфики их интересов и предпочтений. Например: «С кем ты гуляешь во дворе после школы? Нравится ли тебе учиться и какие предметы ты больше всего любишь? Какие книги ты читал и какие телевизионные передачи смотришь? Кем бы ты хотел стать в будущем? Кто тебе представляется самым красивым из людей, которых ты знаешь?» и ряд других.

Как и в русских школах, в калмыцких определенная доля детских стереотипов прямолинейно воспроизводит наиздания и наставления взрослых. Вместе с тем многие высказывания детей выглядят вполне непосредственно и искренне. Почти все говорят, что не любят жадных. Отрицательное отношение к драчунам отчетливо выражено и у мальчиков, и у девочек.

Для детей дружить означает не только вместе играть. Это и общие интересы, и желание вместе проводить время (разговаривать и что-то обсуждать), защищать друг друга в конфликтных ситуациях.

Отвечая на вопрос «Кем лучше быть: мальчиком или девочкой?», абсолютно все калмыцкие дети уверенно предпочли свой пол и высказали твердое убеждение в том, что более привлекательна та социальная роль, которая им уготована природой и обществом. При этом очень многие затруднялись ответить: почему? Просто говорили: «Конечно, девочкой (мальчиком)!» Один мальчик сказал: «Мальчиком быть веселее». Другой: «У девочек больше обязанностей. Женщины больше работают, когда становятся взрослыми. Они работают и дома, и в школе». Для сравнения можно напомнить, что среди русских детей три девочки (по одной в каждом из трех русских классов) сказали, что хотели бы быть мальчиками. Две русские девочки признались, что завидуют мальчикам, потому что они сильные. А один мальчик в школе пос. Плеханово (Тульская обл.) сказал, что в детстве (в пятилетнем возрасте) он мечтал быть девочкой, потому что девочки лучше рисуют. Еще один мальчик в московской школе сказал, что женщины ему нравятся больше, чем мужчины, — они приятнее. Среди английских девочек того же возраста, опрошенных А. Джеймс, многие сожалели, что не родились мальчиками³.

Почти все опрошенные в калмыцких школах дети затруднялись ответить на вопросы, какими должны быть мальчики и девочки, взрослые мужчины или женщины. Многие так и говорили: «Не знаю. Это трудно. Я еще не думал» или же просто выдавали стандартную формулу: «Они должны быть хорошими, умными, добрыми». Особенно трудными эти вопросы оказались для детей сельской школы. Дети из элистинской прогимназии либо говорили «не знаю», либо прибегали к стандартной формуле, которая у них была такой: «женщина должна варить... мужчина на работу ходить...». Относительно мужчин и мальчиков многие добавляли, что они должны быть «сильными, смелыми, защищать женщин».

В целом представления о маскулинности и фемининности, о социальных ролях, с характерных различиях в образе деятельности полов у шести-семилетних детей как в русских, так и в калмыцких школах еще не оформились вербально. Однако они существуют имплицитно, что проявлялось в ответах на такие конкретно сформулированные вопросы: «Если ребенок будет плакать, кто скорей будет его утешать? —

Конечно, женщина. Если нужно гвозди забивать, кто это будет делать? – Конечно, папа» и т.п.

На вопрос «Кто из знакомых тебе людей самый красивый?» большинство калмыцких, как и большинство русских детей, в особенности девочек, отвечали: «мама», гораздо меньше – «папа». Но некоторые калмыцкие дети называли своих одноклассников или одноклассниц. У русских детей этого не отмечалось.

Пытаясь определить, что во внешнем облике людей им особенно нравится, все дети независимо от национальности, как правило, сосредоточивали внимание на женской части человечества, отдавая предпочтение юбкам перед брюками, длинным волосам перед короткими.

Отвечая на вопрос о том, чем они станут заниматься в будущем, калмыцкие девочки, так же как и русские, чаще видели себя взрослыми в домашней обстановке – в роли домохозяйки, считали, что взрослая женщина должна заботиться о детях, готовить, стирать и «варить». Вместе с тем подчеркивалось, что она должна выглядеть красиво, красиво одеваться и следить за собой. Мальчики же в первую очередь видели себя в качестве представителя определенной профессии (врач, шофер, строитель). О том, что им предстоит стать мужьями и отцами семейств, они в отличие от некоторых русских мальчиков практически не вспоминали, не думали, очевидно. Вместе с тем многие отмечали, что мужчина должен заботиться о женщинах и детях, защищать их от опасностей и неприятностей.

Когда детей спрашивали, кем они хотят быть, имея в виду их будущую профессию, выявились значительные различия между детьми из города и села.

Дети из пос. Ики-Чинос либо вообще затруднились ответить на этот вопрос («еще не знаю»), либо выбирали профессию своих родителей (шофер, строитель, медсестра, воспитательница, учительница).

В городской школе к традиционным профессиям у девочек добавилась одна певица, а у мальчиков – несколько летчиков и несколько президентов: «Буду президентом, как наш Кирсан» или «Кирсан к тому времени умрет, а я стану президентом». В городской школе выявилась та же тенденция, что и у многих московских школьников, – стремление представить свое будущее хорошо обеспеченным материально. У школьников Тульской обл. и у детей из Ики-Чиноса этого не обнаружилось (правда, в плехановской школе один мальчик хотел стать банкиром). В менталитет же жителей Элисты уже прочно вошло понятие «новые калмыки».

Некоторые городские калмыцкие девочки сказали, что, подобно своим матерям, они вообще не будут работать, а будут сидеть дома «варить, убираться и смотреть за детьми».

Следует особо напомнить, что из всех опрошенных русских детей как в городе, так и в сельской местности только два мальчика (по одному в каждом классе) высказали желание стать военными или служить в армии. Более того, как объяснил в беседе с нами один мальчик, лучше иметь некоторые физические дефекты (искривленную спину), тогда не возьмут в армию. А в армии служить опасно. Все же калмыцкие мальчики собираются служить «как полагается», а некоторые и просто хотят быть военными.

Задание придумать продолжение рассказа. С целью выявить косвенным путем характер полорелевых установок детей им давались некоторые задания. Например, по методу английского культурного антрополога А. Джеймс калмыцким детям, как ранее русским, предлагалось продолжить и завершить такую историю: «Жила была девочка / мальчик и у нее / него не было друзей... Почему? Потом она / он решили завести друзей. Что они для этого сделали и удалось ли им подружиться с другими детьми?»⁴.

Это задание – сочинить рассказик о девочке или мальчике, с которыми никто не дружил, большинству калмыцких детей показалось более трудным, чем большинству русских. Но тенденция выявилась та же: в качестве недостатков в поведении воображаемых героев девочки чаще всего называли драчливость, а мальчики – жадность.

Примечательно, что в отличие от английских детей, которые, по свидетельству А. Джеймс, сочиняя ту же историю, в большинстве случаев говорили, что с девочкой или мальчиком не дружили, потому что те были неопрятными, некрасивыми или толстыми⁵, наши дети – как русские, так и калмыцкие – почти полностью игнорировали внешний вид. Лишь две девочки – московская и элистинская, обе из очень благополучной среды – сказали, что, наверное, никто не дружил с девочкой или с мальчиком, потому что это были неряхи. И только двое мальчиков (один из московской школы, другой из элистинской) сказали, что причина в том, что мальчик был толстым. Отметим, что оба ребенка были намного полнее других детей и в действительности в силу своей внешней отличности, а также некоторых особенностей воспитания испытывали известные трудности в общении со сверстниками. Калмыцкий мальчик прямо так и сказал: «Он был такой, как я, толстый, много ел, да еще все время кричал, шумел, вот так: уууу!» Характерно, что оба эти ребенка и в других случаях проявляли как бы обостренное самосознание, несомненно, обусловленное не вполне благоприятным положением в классе. Следует особо подчеркнуть, что эти двое в отличие от английских детей не абстрактно осуждали полноту, но как бы проецировали собственную беду.

То же сделали и две девочки, которым было не вполне комфортно в калмыцких классах. Одна из них – даргинка, чьи родители пасли скот в степи, – чувствовала себя одиноко в калмыцкой среде (она и жила в калмыцкой семье в Ики-Чиносе), хотя никто, как нам показалось, не обижал ее. Тем не менее она остро ощущала свою непохожесть, была грустна и даже мрачна, неразговорчива, почти не играла с другими детьми. Сочиняя рассказ, она сказала так: «Они с этой девочкой не дружили потому, что она была некрасивая, была некрасиво одета». Тогда пришлось уточнить: «Она на самом деле была некрасивой и некрасиво одевалась, или им просто так казалось?» – «Да, им казалось, что у нее некрасивое лицо, на самом деле она была красивая и платья у нее были красивые!» В действительности девочка была очень красивая и подчеркнута «зажиточно» одета.

Другая девочка – наполовину казашка – сказала: «Наверное, с нею не дружили, потому что у нее родители уехали...». Она жила с бабушкой и дедушкой, а родители в самом деле временно находились в Казахстане. К тому же дед держал ее в большой строгости, и она много работала по дому. Девочка не пользовалась авторитетом в классе и была значительно более замкнутой по сравнению с одноклассницами. В своем рассказе она отразила то, что ее постоянно беспокоило: отсутствие родителей и чувство одиночества.

Очень робкий и застенчивый мальчик из московской школы сказал, что у воображаемого мальчика не было друзей, так как он все время стеснялся. Одна московская девочка сказала (также, по-видимому, думая о себе), что с девочкой не дружили, потому что она всем «правду в глаза говорит».

И, наконец, только один мальчик из шести классов (пос. Плеханово) сказал, что у героя этой истории не было друзей оттого, что он сам не хотел «с ними дружить, они ему не нравились, ему не нравилось, как они играют!» Этот мальчик и в других ситуациях проявлял себя очень своеобразно (мечтал стать священником и хотел быть девочкой, потому что девочки хорошо рисуют), среди сверстников держался явно обособленно, много времени проводил в одиночестве или в компании единственного хорошего друга, который также сильно отличался от других детей.

Этой тенденции – проецировать в рассказ личную ситуацию – автор теста у английских детей не обнаружила совсем, у наших же детей эта тенденция четко прослеживается во всех группах, что, безусловно, заставляет задуматься.

Все дети (за двумя исключениями – один русский мальчик и одна калмыцкая девочка) считали, что ситуацию исправить можно. Если вести себя хорошо, или попросить прощения, или перестать сторониться других детей, то можно приобрести друзей. Среди английских же детей далеко не все предсказывали благоприятный исход⁶.

Результаты рисуночных тестов. Пользуясь методом рисуночных тестов, широко применявшимся в детской психологии, мы просили детей – и русских, и калмыцких – сделать рисунки на заданные темы: «Самое красивое и некрасивое», «Моя семья», «Автопортрет», «Я – взрослый», «Мужчина и женщина», «Самое смешное», «Самое грустное» или же «Рисунки по желанию».

Так же как русские дети, калмыцкие ребята проявили высокую склонность к подражанию, заимствованию у товарищей и конкретных сюжетов, и средств их исполнения вплоть до самых мелких деталей композиции и используемых красок. Как всегда, собрав готовые рисунки, мы раскладывали их на какой-нибудь плоской поверхности в том порядке, в котором дети сидели при выполнении задания, и сразу же становился очевидным источник заимствования, а «пути» перемещения идей и образов выстраивались в сложные кривые, пересекавшие весь класс преимущественно в широком направлении.

Однако и в калмыцких классах, и в русских всегда находились дети, которые оставались в стороне от процесса подражания, причем среди них выделялись как те, кто совсем плохо рисуют и с трудом справляются с заданием, так и те, кто умеют находить неожиданные и остроумные решения и обладают явными художественными способностями. Особо следует подчеркнуть, что, по нашим наблюдениям, склонность к заимствованию или же творческая самостоятельность у детей (при рисовании как на заданную, так и на свободную тему) не коррелирует с полом. В то же время нам показалось, что в русских классах девочки рисуют несколько более искусно, чем мальчики, и испытывают при этом больше удовольствия. В деревенской калмыцкой школе все было наоборот. А в элистинской девочки рисовали на переменах (в отличие от мальчиков). Один мальчик, характеризуя девочек, сказал: «Они все тихие, на переменах сидят и рисуют, или в резинки играют». Переходя к рассмотрению сюжетов рисунков, попытаемся сделать некоторые обобщения.

При анализе рисунков на тему «Самое красивое и самое некрасивое»* (детям предлагалось разделить лист бумаги на две половины и изобразить в каждой из них соответствующий сюжет) выделяется следующая особенность: калмыцкие дети, как и русские, в большинстве случаев рисуют красивое в значении *хорошее* и *любимое*; а некрасивое – в значении *плохое*, *грязное*, *страшное* (пугающее). В их представлениях этическое и эстетическое как бы нераздельно слиты, неотделимы; возможно, в этом сказывается подсознательное ощущение генетической и сущностной близости этих явлений. Любопытно, что в пехановской и обеих калмыцких школах у преподавателей было такое же, как и у детей, восприятие этого задания.

У калмыцких детей рисунки на тему «Самое красивое и самое некрасивое» получились несколько более простыми и однообразными, чем у русских, особенно чем у московских. Большинство сельских детей, как мальчиков, так и девочек, в качестве «хорошего» изобразили дом, солнце, дерево, голубое небо и птиц, степь, покрытую тюльпанами, а в качестве «плохого» – тот же пейзаж под дождем и без птиц. (Нам-то казалось, что в степи дождь должен восприниматься как благо, но учительница объяснила, что в дождь степь раскисает, становится очень грязно и совершенно невозможно гулять. Дождливую погоду в степи никто не любит.) Двое мальчиков нарисовали «мирную жизнь» (дом, солнце) и войну (дом, нет солнца, самолеты бросают бомбы). Двое детей – мальчик и девочка – сказали, что могут рисовать только хорошее (дом, солнце, птицы) и что «плохое» они не знают!

Элистинские сюжеты были несколько более разнообразны. Помимо традиционных оппозиций (дождь – солнце, дом и цветы, степь с тюльпанами; мирная жизнь – война), были и оригинальные: собака (хорошее) – крокодил (плохое); Буратино («хорошая сказка, он смешной») – бандит (черноволосый, курчавый, с пистолетом и в черных очках – «Идет. Он убивает людей»); Земля из космоса (контур круга, нарисованный голубым фломастером, над ним голубая туча, из которой идет голубой дождь, и ярко-

* В основе этого – идея и методика В.С. Мухиной.

желтое солнце) – танки и туча (туча черная, танки зеленые с красными звездами); «мама, папа сидят в доме смотрят телевизор» (дом без четвертой стены, чтобы было видно, что внутри) – огонь, гроза. Одна девочка нарисовала принцессу в пышном платье и небрежные черные контуры каких-то фигур (о последних было сказано: «Когда я рисую так, мне не нравится. Я так рисую плохо»).

В.С. Мухина, впервые предложившая разбираемый нами рисуночный тест и собравшая весьма солидную выборку, пишет, что, как правило, дети рисуют «красивое» яркими, сочными цветами, а «некрасивое» – тусклыми и унылыми⁷. Наши наблюдения в русских школах подтверждают это лишь отчасти. Многие дети, заполняя разные половины листа, пользовались одним и тем же набором цветных карандашей или фломастеров, обозначая различие между «плохим» и «хорошим» исключительно в содержательных аспектах. Калмыцкие же дети, особенно сельские, в большей мере соответствовали обобщению В.С. Мухиной. В отличие от московских детей, у которых «плохое» часто ассоциировалось с загрязнением среды (с кислотным дождем, например, или кучами мусора), калмыцкие дети проявили себя совершенно чуждыми экологической озабоченности.

Московские и плехановские рисунки, а также элистинские (в основной своей части) на тему «Моя семья» показывают, что у большинства детей уже сложилось характерное для европейской культуры представление о нуклеарной семье – мать, отец и дети – как об образце, эталоне семьи. Хотя во многих семьях вместе с детьми живут и другие родственники – бабушка, дедушка, дяди, тети, они чаще всего не попадают на рисунок. У калмыцких же сельских детей почти всегда изображаются родственники, не входящие в нуклеарную семью, но вместе с тем порой отсутствуют родители рисовальщика: «мама пошла за водой», «мама в доме готовит еду», «папа на работе». В то же время часто изображаются двоюродные братья и сестры, младшие братья и сестры родителей. Особым вниманием пользуется фигура няни (гаги, по-калмыцки) – юной девушки (старшей двоюродной сестры или сестры отца/матери), которая по традиции, до сих пор существующей в калмыцких семьях, помогает нянчить малышкой, следит за ними в отсутствие старших. О нянях даже подростки дети говорят с особой нежностью.

Семья представляется сельскими детьми как дом, в котором живет ребенок со своими близкими, и чаще всего изображают внешний вид этого дома, деревья или траву и цветы, стог сена у дома, несколько домочадцев, включая самого рисующего. В рисунках же городских детей чаще представлен интерьер квартиры как место, где проводится большая часть времени. Городские дети в первую очередь изображают тех, с кем чаще всего находятся в одной комнате (брата, сестру), предметы быта, подробности обстановки, любимое занятие в кругу семьи. Реже изображается группа близких людей – сам ребенок, его родители, может быть брат или сестра – вне домашней обстановки (семья гуляет, например, в степи) и еще реже – вообще вне какой-либо среды: люди изображены на листе бумаги, остальное поле ничем не заполнено, фигуры как бы висят в воздухе.

В большинстве случаев на рисунках находит отражение соотношение между размерами тела и возрастом изображаемых людей: дети нарисованы маленькими, взрослые – большими, младший ребенок меньше старшего, отец выше матери и т.п.

Интересно, что в рисунках на тему «Моя семья» – ни в конкретных сюжетах, ни в приемах их воплощения, ни у русских, ни у калмыцких детей – нам не удалось уловить сколько-нибудь значительных различий, коррелирующих с полом исполнителей.

Совсем иное дело – рисунки, названные нами вслед за Г.Т. Хоментаском⁸ «Автопортрет».

Во всех классах мы примерно одинаково формулировали задание: нарисуйте самих себя, свой портрет, как вы себя представляете со стороны. Почти все дети из поселков Плеханово и Ики-Чинос нарисовали портрет в буквальном смысле – лицо в рамке (под фотографию), чаще всего крупным планом, заполняя весь лист. Дети из московской школы изобразили себя во весь рост в весьма условной манере на фоне

природы или какого-то интерьера, часто за каким-нибудь занятием (последнее, правда, характерно главным образом для мальчиков). Большинство детей из элистинской прогимназии сделали то же самое, некоторые нарисовали только лицо, но портретов в рамке не было. Однако во всех случаях размеры головы значительно превосходили реальные пропорции. В некоторых случаях изображалась только голова.

Все девочки постарались изобразить себя как можно более красивыми, уделив большое внимание прическам и украшениям (часто стремясь нарисовать их «как у взрослых женщин»), с яркими (часто рыжими или желтыми) волосами и ярко-красными губами. Некоторые московские девочки нарисовали себя в виде взрослых красавиц с развитым бюстом и бедрами, в «модных» платьях и на высоких каблуках, с дамскими сумочками и другими аксессуарами. Детали туалета прорисованы весьма тщательно, выбор цветов продуман.

Городские калмыцкие девочки проявили себя схожим образом, но ни одна из них в отличие от московских не «присвоила» себе физиологических признаков взрослой женщины (у плехановских девочек и девочек из Ики-Чиноса, как мы помним, были нарисованы только лица). Правда, традиционные идеалы женской красоты в русской и калмыцкой культурах различаются. Калмыцкий идеал красоты – худенькая высокая девушка с узкими бедрами, длинными ногами и плоской грудью.

Городские мальчики в большинстве случаев нарисовали себя более мелким планом, сосредоточив внимание не столько на своем облике, сколько на своих действиях или даже на окружающей обстановке и каких-то предметах.

Симптоматично, что никто из калмыцких детей не изобразил на своих лицах признаков монголоидности, а некоторые девочки нарисовали себя блондинками и рыжими.

Похожие черты проявились и в рисунках на тему «Я – взрослый», которую мы обычно предлагали детям на следующий день после задания «Автопортрет». Особенно отчетливо в этих рисунках выразились различия, связанные с полом.

В рисунках сельских калмыцких девочек опять же основное внимание уделено украшениям и платьям. В большинстве случаев на рисунке дана только фигура в статике без всякого фона. Ни одна сельская девочка не нарисовала себя в кругу своей будущей семьи (что сделали две московских девочки и одна элистинская, представившая себя с ребенком на руках).

В рисунках нескольких городских калмыцких девочек отразились мечты о будущей профессии учительницы или певицы (она стоит у доски в классе; выходит из школы; «выступает» на сцене – все в красивых платьях).

Калмыцкие мальчики, точно так же как и русские, практически во всех случаях, пытаясь представить себя взрослыми, не только рисовали фигуру и детали одежды взрослого мужчины (галстук, шляпа, перчатки, пояс с металлической бляхой), но и «вписывали» себя в процесс какой-то деятельности. Часто эта деятельность совпадала с той, которую они называли нам в качестве своей будущей профессии: «я – водолаз», «я – военный летчик», «я – омон (буду служить два года)»; «я – строитель»; «я работаю в банке»; «я показываю сигналы флажками самолету, который идет на посадку». А один мальчик изобразил себя «домоуправом» («я стою смеюсь: буду работать в домоуправлении, чтобы закрывать двери»). Отдельные мальчики (во всех классах) нарисовали себя с усами и широкими плечами.

В то же время некоторые калмыцкие мальчики прибегали к той же точно хитрости, что и русские: затрудняясь нарисовать человеческую фигуру, они рисовали, скажем, машину или вертолет и говорили: «я шофер, управляю машиной», «я там внутри сажу, лечу...». Для сравнения – рисунок московского мальчика. Он взрослый – пианист на концерте: из-за громадного рояля выглядывают только ноги и верхушка головы.

Ни одна из девочек ни разу не сделала ничего подобного.

В московской и элистинской школах мы просили детей изобразить, как они себе представляют взрослых мужчину и женщину. В обоих классах мальчикам это далось труднее, чем девочкам. Особенно неудачны были изображения женщины. Фигуры

получались нелепые и неуклюжие, в ряде случаев много мельче мужских. Мальчикам это задание явно не нравилось. Девочки, напротив, проявили явную заинтересованность и с особым удовольствием, конечно же, изображали женщин – все те же платья, украшения, прически. Любопытно, что калмыцкие дети, как девочки, так и мальчики, во многих случаях нарисовали женщин блондинками.

В рисунках на тему «Самое смешное» сельские калмыцкие дети показали куда меньше разнообразия, чем элистинские и русские. Большинство изобразили клоунов и попугаев. Особой оригинальностью выделяется лишь один рисунок мальчика из сельской калмыцкой школы. Он нарисовал фигуру в колпаке и прокомментировал: «Это китайка кушает мороженое, и у нее на подбородок течет, в одной руке мороженое, в другой руке – олимпик хьюстон горит, и она обжигается. Китайки узкоглазые: у них маленькие глаза, смешно смотреть!» (на рисунке глаза, однако, как на всех рисунках калмыцких детей, круглые). Другому мальчику смешным показался худой футболист, он его и изобразил.

Среди рисунков элистинских детей только около половины имели сюжет «цирк-клоуны»; было много оригинальных и интересных. Так, один мальчик нарисовал собаку, которая лает на огородное чучело. Собака на рисунке красная. Автор сказал: «Собака рассердилась на чучело и красная стала от злости; она лаяла, а чучело не реагировало!» А одна девочка изобразила барашка и девочку с высунутым языком. Мы спросили: что тут смешного? Она ответила: «Барашек блеет, а девочка ему язык показывает!» Действительно, смешно. Был рисунок с изображениями в кривых зеркалах. Была традиционная щекотка – одна девочка щекочет другую. Смешно! Несколько рисунков отвечали типичной логике незатейливого смеха: человек упал с коня – ха-ха! Мальчик не знал, что такое воздушный змей. Девочка описалась и плачет.

Рисунок на тему «Самое грустное» у нас делали только элистинские дети. Можно выделить несколько повторяющихся сюжетов, причем с выраженными различиями по полу.

Для мальчиков характерно было изображение мальчика, побитого в драке, или мальчика, которого другие дети не принимают в игру. Еще одна типичная тема – какое-то бедствие: ураган и сорвало крышу с дома; машина врезалась в дом зимой (было плохо видно шоферу); дом горит – пожар, война.

У девочек: грустно одной дома (девочка сидит и смотрит в окно, девочка лежит на диване и играет тихая музыка); грустно, потому что плохая погода, гроза, тучи, дождь, грязь. Только одна девочка изобразила мальчика, которого побили. Особенно нас растрогал рисунок, где была показана очень толстая девочка. Прокомментировано было так: «Девочка толстая и ест хлеб с маслом, потому что его любят, а ей нельзя» (нарисовавшая это девочка сама была полнее других одноклассниц).

В русских школах многие мальчики изображали себя в качестве объектов смеха или по крайней мере в качестве непосредственных участников смешной сценки, девочки же – никогда. У калмыцких детей ни мальчики, ни девочки не видели себя персонажами смешных картинок.

Сочинения калмыцких детей. В сельской школе учительница иногда давала детям задание написать дома сочинения на темы «Моя мечта», «Расскажу о себе», «Рассказ о друге» и др. Эти сочинения трогают своей непосредственностью и искренностью. Они лучше, чем что-либо еще, раскрывают внутренний мир ребенка. Приведем выдержки из некоторых.

«Я очень люблю читать, а что мне не нравится – когда швыряют едой... Я люблю кушать *конветы*, пряники, яблоки и груши. Я хочу, чтоб у меня была мягкая игрушка – слоник».

«Я живу в поселке Ики-Чинос. Я здесь родился. Здесь живут моя бабушка и моя эйджи. Я их очень люблю. Мне нравится рисовать, лепить, читать, собирать из конструктора домик. Я молодой и собирательный».

«Я – калмык. Меня назвали в честь прадеда. Он был знатным чабаном... Я люблю

смотреть телевизор, люблю с другом Вовой побегать и поиграть на свежем воздухе...»

«Больше всего на свете я люблю свою семью: сестричку Верочку, маму, папу, гагу (няню). Люблю все красивое, люблю жизнь...»

«Я мечтаю увидеть море. Оно необъятное».

«Я мечтаю жить в городе – там можно ходить в зоопарк, там можно кататься на карусели... Там много деревьев и не жарко. В городе очень хорошо!»

Мечтают вырасти и стать: певицей, строителем, художником, врачом, продавщицей, артисткой.

«Когда я болел и лежал в больнице меня вылечили врачи. И я решил стать врачом, чтобы лечить людей. Как хорошо, когда ты здоров!»

«Я люблю рисовать и лепить. Животных. Эти животные называются лошадь, корова, кошка, жираф, слон, лев, тигр, собака. Я эти рисунки показываю маме и всем родным».

«А моя мечта очень простая. Чтобы мама не болела, была всегда веселой. Я мечтаю, чтобы мой папа был здоров и заработал много денег».

Кажется, эти дети никогда не жалуются, не задерживают внимания на плохом, не ссорятся и не злятся, хотя даже не всегда сыты!

Заключение. Мы работали в четырех школах: в двух русских и двух калмыцких. В каждой из них детям было свойственно что-то особенное, но и все они продемонстрировали нечто общее.

1. Представляется, что все шести-семилетние дети показали весьма отчетливое, хотя не всегда вербализованное понимание различий между мужскими и женскими полоролевыми стереотипами. Их поведение и творческая деятельность строились в явно выраженном соответствии с половой принадлежностью.

Особенно интересным представляется тот факт, что уже в шести-семилетнем возрасте и русские, и калмыцкие дети с достаточной отчетливостью обнаруживают те связанные с полом сознательные ориентации и бессознательные мотивы, которые хорошо изучены в творчестве (в первую очередь в литературном и изобразительном) взрослых мужчин и женщин. Среди них мы бы прежде всего отметили особенность мужского творчества, которую условно можно назвать «объективизмом». Конкретно это проявляется в большем, чем у представительниц женского пола, интересе к окружающей действительности, в способности в значительной мере или даже полностью отвлечься от своей личности и отрешиться от индивидуального субъективизма, в стремлении к более широкой панораме отображаемых явлений и т.п.

В целом полученные данные показывают, что стереотипы мужского поведения оказываются более стойкими, чем женские, которые претерпевают изменения, аккумулируя ряд качеств, ранее рассматривавшихся как исключительно мужские свойства.

2. Значительное большинство шести-семилетних детей показали устойчивую склонность к конформизму, подражанию сверстникам, следованию общепринятым стереотипам поведения. Лишь немногие дети проявили сознательное стремление к самостоятельности в поведении и к оригинальности в творчестве.

Некоторых детей в обособленное положение ставят их природная или воспитанная «непохожесть» на других, особые обстоятельства жизни и воспитания, особая национальная принадлежность. Эти дети отличаются более развитым индивидуальным самосознанием и в ряде случаев сознательно утверждают в своей обособленности, начиная находить в этом практические преимущества и личные достоинства. По нашим данным, в русской среде это чаще случается с мальчиками, чем с девочками. В нашей небольшой выборке на семь таких мальчиков в русских школах приходится одна девочка. В калмыцкой среде в этом аспекте не обнаружилось никаких диспропорций, связанных с полом детей.

3. При сравнении результатов нашего исследования с данными зарубежных антропологов, ставивших перед собой аналогичные задачи, создается впечатление, что в наших школах – как русских, так и калмыцких – дети более гармонично переживают процесс идентификации с половой ролью. Так, по данным ряда английских и амери-

канских исследователей, среди девочек довольно сильно выражено представление о том, что мальчиком быть лучше, что мужская роль в обществе более завидна, что игры мальчиков или занятия и положение взрослого мужчины более интересны и заманчивы, чем игры девочек или занятия и положение взрослой женщины. Ни русские, ни калмыцкие школьники ничего подобного не обнаруживают ни при непосредственном опросе, ни при попытках выяснить их ориентации косвенным путем. Подавляющее большинство опрошенных детей, в том числе и девочек, выразило полное удовлетворение той социальной ролью, которая определяется их половой принадлежностью. Это хорошо согласуется с высказывавшейся неоднократно точкой зрения, согласно которой феминизм в нашем отечестве не имеет достаточно основательной социально-психологической почвы и является в значительной мере подражанием западному.

4. Примечательно, что, по нашим впечатлениям, калмыцкие дети как бы изначально более дисциплинированы и послушны, чем русские.

5. Одним из наиболее важных результатов нашего сопоставления можно считать вывод о том, что дети в поселках Плеханово и Ики-Чинос представляются более приспособленными к социальным взаимодействиям, более самостоятельными, менее зависимыми от взрослого, менее инфантильными, чем городские, в особенности московские. Возможно, это объясняется тем, что сельские дети много времени проводят, играя самостоятельно во дворе без взрослых, тогда как большинство детей того же возраста в условиях крупного города практически никогда не гуляют во дворе без присмотра старших.

6. Наряду с этим в некоторых отношениях внутренняя обстановка в среде плехановских школьников представляется более жесткой и суровой, чем в среде московских и калмыцких детей. В исследованном нами классе плехановской школы выделялись лидеры с четкой авторитарной установкой, которая была особенно заметна в группе мальчиков. Эти лидеры стремились командовать в самых различных ситуациях: контролировать ход игры, решать, кого принимать в игру, а кого нет, требовать, чтобы завтра все пришли в бейсболках, настаивать на том, чтобы все перестали бегать, и т.п. И их слушались, им не пытались противостоять, даже те, кто очевидно физически не слабее их. Может быть, здесь проступает прообраз будущих провинциальных группировок.

7. Среди московских и элистинских школьников также имелись лидеры, но это скорее были дети, которым остальные стремились подражать, с которыми интересно и престижно было играть. Никаких признаков субординации не наблюдалось. В целом обстановка среди московских и элистинских школьников была более непосредственной, а социальная структура – более неопределенной, как бы рыхлой. В сельской же калмыцкой школе атмосфера казалась особенно «демократической и эгалитарной», подчас просто идиллической, хотя эти дети, несомненно, испытывали наибольшие жизненные трудности.

8. Обращает на себя внимание гораздо более свободное отношение к проблемам пола и взаимоотношений между полами у московских детей, чем у плехановских, и в особенности у калмыцких. Это, безусловно, связано с гораздо более стойкими, чем в современной московской ситуации, традициями стыдливости и более строгого полового воспитания как в русском поселке, так и в особенности в калмыцкой среде, в том числе городской. В целом калмыцкие городские материалы демонстрируют какой-то сложный сплав следствий быстро идущей урбанизации, устойчивых национальных традиций и поощряемых сверху почвеннических настроений.

В заключение нам хотелось бы выразить глубокую признательность фондам «Культурная инициатива» (проект № Z 5000/363) и РГНФ (проект № 96-01-00032), без финансовой поддержки которых эта работа была бы неосуществима. Мы также очень благодарны преподавателям и воспитателям тех классов, в которых работали, равно как и директорам всех четырех школ, за бескорыстную помощь и неизменно доброжелательное отношение.

*Результаты проведенного М.Л. Бутовской опроса детей
в двух классах элистинской прогимназии*

1. Кто самый активный (больше всего бегает, говорит, участвует в играх, во все вмешивается)? Активность чаще всего рассматривалась как более типичное качество для мальчиков. В качестве самых активных почти все опрошенные (33 из 38) назвали нескольких мальчиков и только двое – девочку (действительно активную). Трое детей не знали, что ответить.

2. Отвечая на вопрос, с кем им интереснее всего играть или дружить, дети всегда называли ребенка своего же пола (из 38 опрошенных лишь одна девочка назвала в качестве самого интересного – мальчика и одна затруднилась ответить).

3. В качестве самых драчливых 100% всех опрошенных назвали мальчиков, причем некоторые мальчики с готовностью называли и себя в числе первых классных драчунов. Складывается впечатление, что это качество рассматривалось мальчиками (а возможно, и многими девочками) как привлекательное и престижное.

4. Самый добрый – по этому показателю никаких различий не прослеживалось. Дети в равной мере называли как представителей одного с ним пола, так и противоположного. Это свидетельствует о том, что доброта в представлениях детей шести-семилетнего возраста никак не связана с полом ребенка, а является качеством индивидуальным и абсолютно привлекательным.

5. Кто чаще всего помогает другим? Около 80% детей указали в качестве помогающего ребенка одного с ним пола и только 10% – противоположного. Очевидно, в этом ответе отразились личные дружественные привязанности детей и в качестве помогающих большинство назвало своих близких друзей, которые в подавляющем большинстве случаев были одного пола с опрашиваемыми.

6. Кто других защищает в ссорах? По этому показателю четко прослеживаются уже сложившиеся полоролевые стереотипы, связанные с представлением о том, какой пол физически более сильный. Говоря о защитниках, подавляющее большинство детей (94% мальчиков и 53% девочек) указывали имена мальчиков, лишь 21% девочек ответили, что защитниками могут быть девочки, и 26% девочек вообще затруднились ответить на вопрос.

7. Кто лидер в классе? Ответ на этот вопрос свидетельствует, что лидерство больше связано с индивидуальными качествами детей и в меньшей мере – с их половой принадлежностью. Так, в одном из опрошенных классов 35% детей вообще затруднились назвать кого-либо, остальные мальчики называли разных мальчиков, девочки предпочитали называть двух одних и тех же девочек. Дважды девочки называли мальчиков. Во втором классе мнения мальчиков и девочек были более единообразны: все дети назвали одного мальчика. Характеризуя его, ребята говорили, что он самый активный, смешной, веселый, сильный, интересный, всех защищает, придумывает игры.

8. Какие игры нравятся больше всего? Половые различия проявились отчетливо по некоторым типам игр: мальчики предпочитали силовые, девочки – подвижные. В имитативных играх мальчики играли в рыцарей или войну, а девочки – в дочки-матери. И девочки, и мальчики в равной мере проявляли интерес к конструктивным играм.

9. Какие фильмы больше нравятся? 47% девочек ответили, что предпочитают комедии и смешные мультки, 26% – романтические истории, несколько девочек высказали интерес к фильмам о животных и только две предпочитали боевики и фильмы ужасов. Интересы мальчиков отличались большим разнообразием: 83% из них отдавали предпочтение боевикам. Таким образом, по этому параметру прослеживаются выраженные половые различия. Возможно, повышенный интерес к боевикам у мальчиков связан с их внутренней ориентацией на маскулинные стереотипы поведения, существенно сглаженные в повседневной жизни современного общества.

И мальчики, и девочки интересовались компьютерами и компьютерными играми. Но и здесь прослеживались гендерные различия. Мальчики предпочитали игры, связанные с драками, войной или гонками. Девочки – шахматы, карты, игры-сказки, связанные с поисками каких-либо объектов, и игры-загадки.

10. Выбор будущей профессии. Девочки высказывали желание стать певицей, учительницей, врачом, ветеринаром, секретаршей, медсестрой, художником, егерем, бухгалтером (чаще всего – врачом или учительницей). Мальчики называли профессии летчика, президента, врача, шофера, милиционера, пожарника, бухгалтера, строителя (чаще всего – милиционера или летчика). Таким образом, у шести-семилетних детей

из г. Элисты уже сложились адекватные и достаточно четкие представления о распределении мужских и женских ролей в обществе.

В представлениях школьников ряд профессий отчетливо ассоциируется с маскулинными стереотипами (миллионер, шофер, пожарник, президент). Ни один из мальчиков не пожелал выбрать традиционную женскую профессию, зато у нескольких девочек прослеживалось желание заниматься мужским делом (егерь, ветеринар). Это может свидетельствовать о сохранении представлений о большей престижности и значимости мужчин в социальной жизни калмыцкого общества.

11. Каким должен быть мужчина? Описывая образ настоящего мужчины, и мальчики, и девочки в одинаковой мере подчеркивали значение следующих качеств: физическая сила (мужчина должен мебель в доме передвигать, тяжесть носить, гвозди забивать); умение обращаться с техникой (водить комбайн, грузовик, машину); умение ремонтировать; дети особо подчеркивали необходимость умения драться и защищать себя и других; зарабатывать деньги для семьи; помогать жене; умение скрывать свои чувства и держать себя в руках (не плакать и не жаловаться). Таким образом, в описание идеального мужчины входили качества, в равной мере необходимые ему в общественной жизни и в семье.

12. Какой должна быть женщина? Описывая идеальные качества женщины, дети больший упор делали на те качества, которые, в их представлении, необходимы женщине для поддержания домашнего очага: женщина должна следить за домом – уметь вкусно готовить, стирать, в доме убирать, заниматься рукоделом, за детьми ухаживать. Только несколько детей сказали, что женщина должна ходить на работу (быть врачом или парикмахером), и лишь двое указали на то, что женщине необходимо быть сдержанной и не лениться. Один мальчик сказал: «Женщина должна отдыхать, а мужчина – работать».

Сравнение ответов детей по 11-му и 12-му вопросам показывает, что у младших школьников из Калмыкии уже отчетливо сложились представления о распределении ролей между мужчиной и женщиной в общественной и семейной жизни. Вне семьи главенствующая роль отводится мужчине. Мужчина зарабатывает деньги и обеспечивает семью, а женщина выполняет основную работу по дому. Она же заботится о детях. Эти представления в значительной степени сходны с традиционными полоролевыми стереотипами калмыков.

13. Чем различается поведение девочек и мальчиков? Ребята говорили, что мальчики и девочки предпочитают выбирать разные игры. Больше всего мальчики любят драться и играть в машинки, в футбол, а девочки – в куклы, прыгалки, книжки читать и рисовать. Когда мальчики друг с другом не согласны, они дерутся, а девочки – только ссорятся. Мальчики кричат и ругаются, а девочки писклявые и плаксивые. Дети отмечали большую подвижность мальчиков. И мальчики, и девочки признавали, что девочки ведут себя более послушно. Девочки также все убирают, а мальчики раскидывают.

14. С кем больше нравится играть? Половина всех детей ответила, что предпочитает играть смешанными группами, когда в игре принимают участие и мальчики, и девочки. Однако такая ориентация была более выражена среди девочек (72%). Мальчики чаще по сравнению с девочками говорили, что предпочитают играть в обществе детей своего же пола (56% мальчиков и 28% девочек).

15. Кем лучше быть – девочкой или мальчиком? Практически все дети выражали свое положительное отношение к собственной половой идентичности. Собственный пол и связанные с ним качества представлялись им более привлекательными.

16. Нравятся ли тебе длинные волосы у мальчиков? Усы и борода у мужчин? На эти вопросы большинство детей ответило отрицательно. В первом случае длинные волосы расценивались как проявление феминности, и особенно отрицательно на это смотрели мальчики. Во втором случае отрицательные ответы могут быть связаны с расовой принадлежностью детей. Калмыки несут в себе значительный монголоидный компонент, и у большинства мужчин-калмыков борода если и появляется в слабовыраженной форме, то только в пожилом возрасте; существенно ослаблен у них и рост усов. Волосистой покров на лице, таким образом, не входит у детей в представления о внешнем образе мужчины.

17. Нравятся ли тебе короткие волосы у девочек? На этот вопрос и мальчики, и девочки отвечали крайне терпимо. По их мнению, девочка может носить такую прическу, которая ей больше подходит. Вместе с тем многие мальчики добавляли, что длинные волосы – это красиво.

18. Нравится ли тебе, когда девочки ходят в брюках? В ответах на этот вопрос четко прослеживаются различия между мальчиками и девочками. Большинство мальчиков (77%) однозначно заявили, что им не нравится, когда девочки ходят в брюках. А мнения девочек по этому вопросу разделились практически поровну (56% высказались за и 54% – против). Эти результаты могут указывать на факт последовательной тенденции к маскулинизации женского самосознания и восприятия. Девочки не просто рассматривают брюки

как более удобную одежду, но порой видят в ношении этой одежды некоторое превосходство женщин над мужчинами. Так, в ответе одной девочки прозвучало, что «мальчики не могут носить платья и юбки, у них только есть штаны, рубашки и шорты, а девочки носят и то и другое».

Примечания

¹ Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Полорольевые стереотипы у детей Центральной России // Этнограф. обозрение. 1998. № 1. С. 104–120.

² Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сб. Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. № 1. Элиста, 1976. С. 62.

³ James A. *Childhood Identities*. Cambridge, 1993.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Мухина В.С. Развитие начальных форм изобразительной деятельности и ее связь с эмоционально-эстетическим отношением к действительности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1965; *ее же*. Детские рисунки. М., 1965.

⁸ Хоментаускас Г.Т. Отражение межличностных отношений в диагностическом рисунке семьи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.

O. Yu. Artemova, M.L. Butovskaya. Children of Kalmykia: works and games

The article states the results of a complex ethological-ethnological study of the ontogeny of social-sexual identity in primary school. The paper reveals the results of field studies in Kalmykia, conducted by authors in 1996–1997. These data are compared with authors results of similar studies of the primary school from Central Russia.